

**ОДА ГОРАЦИЯ «К МЕЦЕНАТУ» (I, 1)
В ПЕРЕВОДЕ М.Н. МУРАВЬЕВА (1775 г.)**

Л.Б. Прокопьева

Аннотация. Анализируется перевод М.Н. Муравьева оды Горация «К Мecenату» (I, 1). Первоисточник и перевод сопоставляются в лексико-семантическом, синтаксическом и эмоциональном планах. Указываются достоинства перевода, выраженные в его близости по семантике и настроению произведению античного автора. Отмечается вклад М.Н. Муравьева в развитие горацианской концепции поэта и поэзии в русской литературе. Опыт М.Н. Муравьева оказался плодотворным для самого поэта и для всей русской литературы XIX в.

Ключевые слова: перевод, римская поэзия, Гораций, тема поэта и поэзии, русская литература XVIII в., М.Н. Муравьев.

Литературная деятельность Квинта Горация Флакка, выдающегося римского поэта эпохи Августа, разнообразна и многопланова. Во время правления Августа (31 г. до н.э. – 14 г. н.э.) были созданы все условия для развития культуры, литературы, а латинская поэзия достигла высочайшей вершины в творчестве таких писателей, как Вергилий, Гораций, Овидий, поэтому «век Августа» называют «золотым веком римской литературы». Гораций же, наряду с Вергилием, считается создателем классического языка латинской поэзии. Его перу принадлежат сборники «Эподы» (ямбы), «Беседы» (сатиры), которыми автор начинает свой творческий путь. Уже в «Эподах» намечается интерес Горация к лирике размышления, который затем развивается в сатирах и находит воплощение в трех книгах лирических «Стихотворений» (23 г. до н.э.), принесших ему наибольшую славу. Увлекаясь философией Эпикура (IV–III вв. до н.э.), популярной в то время в Риме и среди членов кружка Мecenата, Гораций активно обращается к морально-философской тематике, критикуя такие человеческие пороки и недостатки, как тщеславие, жадность, корыстолюбие, завистливость, и высказывает свои жизненные принципы, главный из которых – «довольство малым». Античный поэт, пытаясь найти рецепт личного счастья, сближает отвлеченную философию с обыденной жизнью и воспекает умеренность во всем как средство достижения безмятежности духа и внутренней независимости [1–5].

Античные комментаторы называли стихотворения Горация одами (ode), в их терминологии одой обозначалась «песня, или лирическое произведение в стиховых формах песни». В качестве образцов для себя в этом жанре Гораций выбрал монодийную мелику эолийцев (Алкей, Анакреонт, Сапфо), восприняв лучшие их достижения, адаптируя их стихотворный размер и в итоге поднявшись к вершинам совершенства римской поэзии. Уже при жизни Гораций пользуется всеобщим признанием и становится, наряду с Вергилием, самым популярным поэтом-лириком. «Оды Горация как сборник – неповторимое отображение мира

индивидуальной души: боги, природа, государство, друзья и подруги, а также собственное “я” создают концентрические круги. Гораций был первым и единственным, кто доказал, что такая задача по плечу латинской лирике. Он открыл для римской поэзии совершенно новые области» [6. С. 802].

М.Н. Муравьева привлекали поэзия и жизненные принципы Горация. Он обращался к работам и других античных авторов (Гомера, Сапфо, Анакреонта, Вергилия, Тита Ливия, Петрония), но из Горация переводил более всего. В первый сборник М.Н. Муравьева «Переводные стихотворения», изданный в 1773 г., вошли переводы четвертой оды «К Люцию Сексту Консулярному» книги I, девятой оды «К Лидии» книги III, восемнадцатой оды «К Фавну» книги III, четвертой оды книги IV, возвращался он к одам Горация и в 1774, 1775, 1776 гг. и позже около 1789 и 1790 гг. Это говорит об устойчивом интересе М.Н. Муравьева на протяжении всей его жизни к творчеству римского поэта.

До М.Н. Муравьева работа по переводам произведений Горация имеет в России богатую историю. Творчество римского автора было школой для многих русских поэтов XVIII–XIX вв. и привлекало внимание переводчиков, начиная с классицистов XVIII в. На русский язык оды, сатиры, «Послание к Пизонам» Горация перекладывали А.Д. Кантемир, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, И.С. Барков, В.Г. Рубан, Н.Н. Поповский, В.К. Тредиаковский [7]. При этом обращает на себя внимание тот факт, что первая ода книги I, программная, насыщенная содержанием, до М.Н. Муравьева не переводилась никем. Выбор М.Н. Муравьевым для перевода именно этой оды отражает интерес еще молодого восемнадцатилетнего автора к философии творчества, к вопросу о месте литературы в жизни поглощенного своим делом поэта [8, 9].

Ставшую затем традиционной для литературы тему поэта и поэзии впервые затронул греческий лирик Феогнид в VI в. до н.э. В римской литературе ее продолжили Овидий и Гораций. «Отношение к поэту в римском обществе в корне меняется. Это уже не отщепенец и шарлатанствующий гуляка, каким его выставлял во II в. Катон, а личность, пользующаяся всеобщим уважением и любовью» [10. С. 16]. С тех пор вопрос об особом месте поэта в мире, его богоизбранности стал одним из самых популярных в творчестве многих авторов.

Первая ода, открывающая первую книгу стихов, является во многом программной для Горация. В ней он, обращаясь к Меценату, тщательно опекавшему литературу и искусство (ему также посвящен весь сборник, состоящий из трех книг), рисует целостную картину мира, перечисляя различные занятия людей: спорт, политику, земледелие, торговлю, беззаботное времяпрепровождение, войну, охоту. Этот длинный список человеческих склонностей нужен автору, чтобы осмыслить современный ему мир, определить свое место в нем и в конце оды заявить о своей жизненной установке: поэзия для него является первостепенным и главным занятием, Горация влечет только поэтическая слава:

Текст оды Горация:

Maecenas, atavis edite regibus,
O, et praesidium et dulce decus meum!
Sunt, quos curriculo pulverem Olympicum
Collegisse iuvat metaque fervidis

Evitata rotis palmaque nobilis.
Terrarum dominos evehit ad deos
Hunc, si mobilium turba Quiritium
Certat tergemini tollere honoribus,

Illum, si proprio condidit horreo
Quidquid de Libycis verritur areis.
Gaudentem patrios findere sarculo
Agros Attalicis condicionibus

Numquam demoveas, ut trabe Cypria
Myrtoum pavidus nauta secet mare.
Luctantem Icaris fluctibus Africum
Mercator metuens otium et oppidi

Laudat rura sui; mox reficit rates
Quassas, indocilis pauperiem pati.
Est, qui nec veteris pocula Massici
Nec partem solido demere de die

Spernit, nunc viridi membra sub arbuto
Stratus, nunc ad aquae lene caput sacrae.
Multos castra iuvant et lituo tubae
Permixtus sonitus bellaque matribus

Detestata. Manet sub Iove frigido
Venator tenerae coniugis immemor,
Seu visa est catulis cerva fidelibus,
Seu rupit teretes Marsus aper plagas.

Me doctarum hederæ præmia frontium
Dis miscent superis. Me gelidum nemus

Nympharumque leves cum Satyris chori
Secernunt populo, si neque tibia

Euterpe cohibet nec Polyhymnia
Lesboum refugit tendere barbiton.
Quodsi me lyricis vatibus inseres,
Sublimi feriam sidera vertice [11. С. 13–15].

Перевод М.Н. Муравьева:

О царский правнук Меценат!
О мой покров и украшеньё!
Се зри, коль радостно летят
На Олимпийское сраженье.
Они, размахом их колес
Взвивая прах поверх небес,
Стремглав по поприщу пустились;
Чело венчанно вознесли,
И со владыками земли
Они – с богами – соравнились.

Иной лишь токмо льстится тем,
Когда мятежные квириты
Его в избрании своем
В чины воздвигнут знамениты.
Пшеничны класы ратай жнет
И в отчих нивах плуг ведет,
Железо рально изошряя.
Хоть был богат бы, как Аттал,
Нельзя, чтоб плавать перестал
Пловец, в морях свой век теряя.

Купец спокойство хвалит сел,
Страшась, чтоб Нот с страны ливийской
Ему вопреки не заревел,
С волной борющиеся икарийской.
Но паки он чинит свои
Избиты бурями лады,
Доволен малым быть не зная;
А сей в роскошах век ведет,
Из чаш вино кампанско пьет,
Сластями чрево наполняя.

Под сенью древ средь тишины
Свои он члены простирает,
Или священные волны
Он при исходе почивает.
Иным угоден трубный звук,
Оружий бранных треск и стук
И беспокойные походы;
Свою забыл супругу, зря
Стрелок оленя иль вепря,
И с псами терпит непогоды.

А я взнесусь на небеса,
Коль лавры верх мой увенчают;
Меня прохладные леса
С простым народом разлучают.
Уже я к лику нимф спешу,
Евтерпин глас себе внушу,
Орган настроит Полимния;
Коль лирным звоном прослывусь,
Я звезд, воспрянув, докоснусь
Челом средь радости такая [12. С. 262–263].

Текст Горация:

Maecenas, atavis edite regibus,
O, et praesidium et dulce decus meum!
Sunt, quos curriculo pulverem Olympicum
Collegisse iuvat metaque fervidis

Evitata rotis palmaque nobilis.

Перевод М.Н. Муравьева:

О царский правнук Меценат!
О мой покров и украшенье!
Се зри, коль радостно летят
На Олимпийское сраженье.
Они, размахом их колес
Взвивая прах поверх небес,
Стремглав по поприщу пустились;
Чело венчанно вознесли,
И со владыками земли
Они – с богами – соравнились.

Подстрочный перевод:

Меценат, отпрыск царственных предков,
О, защита и милое украшение мое!
Есть такие, которым колесницею олимпийскую пыль
Поднимать нравится и меты, горячими
Обогнутые колесами, и пальма почетная.

В данном отрывке Гораций, обращаясь к своему другу Меценату, рассказывает о людях, чьим увлечением является спорт. Образы в стихе очень конкретны, вещественны: автор изображает пыль олимпийской арены, меты, которые нужно обогнуть на колеснице, не уронив их, горячие от быстрого бега колеса, пальму первенства, являющуюся наградой победителю. М.Н. Муравьев в переводе сохраняет семантический состав строчек Горация, но изменяет многие лексические составляющие текста, его синтаксический и ритмический строй. Ему важно сделать акцент на значимых для него моментах: стремительности движения, напряжении сил, высоте и торжественности победы. Обращение к Меценату в отрывке М.Н. Муравьева остается (так же, как и эпитет, которым награждает своего героя Гораций). У античного автора Меценат – *atavis edite regibus* «отпрыск царственных предков», *praesidium et dulce decus meum* «защита и милое украшение мое», в переводе – *царский правнук, мой покров и украшенье*. М.Н. Муравьев удачно сохранил в тексте отражение чувства глубокой благодарности и любви Горация к своему другу, переданное с

помощью существительных с оценочной коннотацией *praesidium* «защита», *decus* «украшение», личного местоимения *meum* «мое», призванного акцентировать момент интимности, духовной близости двух людей. В переводе *praesidium* «защита» заменено на лексически тождественное в данном контексте *покров*, а слово *decus* «украшение» переведено буквально. М.Н. Муравьев не стал включать в свой перевод эмоционально окрашенное античным автором прилагательное *dulce* «милое», по-видимому, для него важнее сделать акцент на величии и царственности своего друга, но в целом начальные стихи перевода, в отличие от последующих, сохраняют не только семантический, но и лексический строй первоисточника.

Далее М.Н. Муравьев в своей работе сохраняет семантику стихов Горация, но передает общий смысл собственными изобразительными средствами. Образ колесницы, поднимающей олимпийскую пыль, более динамичен, но не так нагляден: переводчик делает акцент на действии и его признаках (*летят, взвивая, стремглав пустились*). Целая строка, состоящая из старославянизмов, придает процессу соревнований пафосность и торжественность: *чело венчанно вознесли*. Эта же мысль развивается поэтом и далее, он заявляет, что победители равны *владыкам земли и богам*. Всех этих лексических средств в оде Горация нет, античный автор достигает торжественности путем излюбленной им инверсии: *curriculo pulverem Olympicum // Collegisse iuvat* «колесницу олимпийскую пыль поднимать нравится», *fervidis // Evitata rotis* «горячими обогнутые колесами». В целом заметно отсутствие в переводе такого количества эпитетов, свойственных произведениям Горация вообще и конкретной оде в частности: *dulce* «милое», *fervidis* «горячими», *nobilis* «почетная», придающих стихам античного автора пышность, глубину, богатство. М.Н. Муравьев же обращает большее внимание на повествовательный план. Кроме того, стремясь более точно передать семантическую составляющую и эмоциональную окраску произведения Горация, его пластичные и емкие образы, М.Н. Муравьев идет на многословные описательные конструкции, поэтому пяти строчкам оригинала соответствует целых десять строк перевода.

Текст Горация:

Terrarum dominos evehit ad deos
Hunc, si mobilium turba Quiritium
Certat tergemini tollere honoribus,

Перевод М.Н. Муравьева:

Иной лишь токмо льстится тем,
Когда мятежные квириды
Его в избрании своем
В чины воздвигнут знамениты.

Подстрочный перевод:

Из владельцев земель возносит к богам
Этого, если непостоянных толпа квиритов
Старается тройными вознести почестями.

В этих строчках Гораций рассказывает об увлечении людей политикой. Это занятие в его интерпретации имеет в какой-то мере ироничную окраску, т.к. Quiritium «квириты» названы *mobilium* «непостоянными», а их объединение – *turba* «толпой». Данный акцент в переводе М.Н. Муравьева сохраняется с помощью глагола *льстится*, ненадежность квиритов передается прилагательным *мятежные*. Семантика отрывка М.Н. Муравьевым не изменяется: и Гораций, и его переводчик говорят о том, что занятие политикой – это продвижение вверх (у Горация – *evehit ad deos* «возносит к богам»). Лексически же этот момент преподносится по-разному: античный автор акцентирует внимание на *tergeminis ...honoribus* «тройных почестях», а М.Н. Муравьев – на достижении высоких чинов (*в чины воздвигнут знамениты*). Кроме этого, поэт попытался передать оригинальность синтаксиса Горация, разделив достаточно большим промежутком подлежащее *квириты* и сказуемое *воздвигнут*, поменяв местами дополнение *чины* и его определение *знамениты*. В целом мы наблюдаем семантическую и эмоциональную тождественность оригинала и перевода при частичном расхождении лексического плана и достаточно большом синтаксическом отличии синтаксического построения отрывков. В частности, для передачи двух строк оды Горация М.Н. Муравьеву потребовалось три строки.

Текст Горация:

Illum, si proprio condidit horreo
Quidquid de Libycis verritur areis.

Перевод М.Н. Муравьева:

Пшеничны класы ратай жнет
И в отчих нивах плуг ведет,
Железо рально изошряя.

Подстрочный перевод:

Того, если в собственном хранит амбаре
Все, что с ливийских снимается полей.

Перевод и первоисточник сходны здесь только в том, что речь в них идет о земледельце. Причем если Гораций о нем говорит посредством перифразы (это тот, кто хранит свой урожай в амбаре), то М.Н. Му-

равьев прямо называет вещи своими именами: *ратай жнет, плуг ведет*. Попытка сохранить лексику античного автора мы видим в прилагательном *отчих*, которое контекстуально сходно с *proprio* «собственном» у Горация, селянин в переводе показан работающим на *нивах*, в оригинале – хранящим урожай *de ...areis* «с ...полей». Не нашло у М.Н. Муравьева отражение географическое название полей (*Libycis* «ливийских»), процесс хранения плодов труда в амбаре. Синтаксически строки Горация являются продолжением предыдущего предложения, начинаясь с указательного местоимения *illum* «того», у М.Н. Муравьева эпизод о землепашце является синтаксически законченным. Исходя из всего сказанного, перевод данного отрывка можно назвать достаточно вольным.

Текст Горация:

Gaudentem patrios findere sarculo
Agros Attalicis condicionibus

Numquam demoveas, ut trabe Cypria
Myrtoum pavidus nauta secet mare.

Перевод М.Н. Муравьева:

Хоть был богат бы, как Аттал,
Нельзя, чтоб плавать перестал
Пловец, в морях свой век теряя.

Подстрочный перевод:

Получающего удовольствие отеческие возделывать мотыгой
Поля Атталовыми условиями
Никогда не отвлекай, чтобы на корабле кипрском
Миртосское боязливый моряк рассекал море.

Эти строчки Горация продолжают тему предыдущего отрывка. Автор говорит о том, что если земледелец, опасаясь морских путешествий, не хочет плавать, не нужно его к этому принуждать. Образ моряка введен для того, чтобы сравнить жизненные установки двух таких разных людей: один получает удовольствие, возделывая родное поле, другой – рассекая море, преодолевая опасности. Стихи античного поэта переведены М.Н. Муравьевым весьма приблизительно. Прочитываются отсылка к Атталу (царь Пергама, в 133 г. до н.э. завещавший свое богатство Риму), образ моряка, но первая строчка оригинала, одна из составляющих сравнительного приема, не получила отражения в переводе. Также *Myrtoum ...mare* «Миртосское ...море» обозначено у М.Н. Муравьева обобщенно *в морях*, *nauta* «моряк» передан

Luctantem Icariis fluctibus Africum
Mercator metuens otium et oppidi

Купец спокойство хвалит сел,
Страшась, чтоб Нот с страны ливийской
Ему вопреки не заревел,
С волной борющихся икарийской.
Но паки он чинит свои
Избиты бурями лады,
Доволен малым быть не зная;

Борющегося с Икарийскими потоками Африка
 Торговец боящийся покой и города
 Хвалит поля своего [хвалит покой и поля города своего]:
 скоро восстанавливает плоты
 Разбитые, не привыкший ущерб терпеть.

51

лит сел, тогда как у римского поэта этот момент расширен: *otium et oppidi // Laudat rura sui* «покой и города хвалит поля своего». Вольность перевода проявляется и в конечных строчках отрывка: *rates* «плоты» превращаются в *ладьи*, просто *quassas* «разбитые» – в *избиты бурями*, *reficit* «восстанавливает» – в *чинит*, выпущено наречие *mox* «скоро», показывающее стремление быстро исправить причиненный ущерб, *indocilis pauperiem pati* «не привыкший ущерб терпеть» заменено на *доволен малым быть не зная*. Обращает на себя внимание наличие в переводе старославянизмов *впреки*, *борящихся*, *паки*, «приподнимающих» эмоциональный строй произведения, чье лексическое отличие от оригинала говорит о попытке М.Н. Муравьева передать общий семантический состав оды Горация за счет подробных описательных конструкций. В итоге это приводит к большой разнице в объеме: четыре строки античного автора превращаются в переводе в семь.

В целом торжественная эмоциональность и семантика эпизода отражены, но лексически и синтаксически первоисточник и перевод достаточно далеки друг от друга.

Текст Горация:

Est, qui nec veteris pocula Massici
Nec partem solido demere de die

Spernit, nunc viridi membra sub arbuto
Stratus, nunc ad aquae lene caput sacrae.

Перевод М.Н. Муравьева:

А сей в роскошах век ведет,
Из чаш вино кампанско пьет,
Сластями чрево наполняя,
Под сенью древ средь тишины
Свои он члены простирает,
Или священные волны
Он при исходе почивает.

Подстрочный перевод:

Есть такой, который старого бокалами Массийского вина
И часть от целого отнять дня
Не пренебрегает, то под зеленым члены земляничным деревом
[под зеленым земляничным деревом члены]
Распростерший, то у воды тихого истока священной
[у тихого истока священной воды].

В этих строчках Гораций изображает бездельника, который проводит дни на лоне природы, распивая вино. Такой образ жизни и окружающая обстановка рисуются автором с помощью ярких, наглядных образов: вино старое, Массийское, дерево земляничное, воды тихие, источник священный, а в целом это ничегонеделанье крадет у человека целые куски жизни. М.Н. Муравьев семантически и эмоционально точно переводит данный отрывок, рисуя красочную картину полного безделья, но допуская лексические вольности. В частности, он упускает емкие эпитеты Горация, вносящие пластичность и многослойность в текст (*viridi* «зеленым», *veteris* «старого», *lene* «тихого»), делая важный для себя акцент на действии, выраженные глаголами *ведет*, *пьет*, *простирает*, *почивает*. Кроме того, первая строчка перевода *А сей в роскошах век ведет* не имеет тождества в оригинале, но дополняет образ лентяя и заостряет внимание на его постоянном бездельи, вино названо *кампанским*, что более общо, чем в первоисточнике (у Горация – *Massicis* «Массийское», и это сорт одного из кампанских вин), но заслуживает уважения попытка М.Н. Муравьева ввести в текст лексическую особенность поэтического стиля античного автора (активное использование в стихах конкретных географических названий, что способствует индивидуализации образа). Строчка *сластями чрево наполняя* также отсутствует в первоисточнике, но придает картине безделья больший размах и ассоциативно соотносится с *arbuto* «земляничным деревом». У Горация лентяй лежит *viridi ...arbuto* «под зеленым ...земляничным деревом», у М.Н. Муравьева – *под сенью древ среди тишины*, что в принципе соотносимо, хотя и лексически различно. Емкое определение римского поэта *stratus* «распростерший» переводчик заменил на близкое по смыслу и настроению, но многословное *свои он члены простирает*, а *ad aquae lene caput sacrae* «у воды тихого истока священной» – на *священные волны // Он при исходе почивает*. В целом заметно, что М.Н. Муравьев еще не всегда замечает и отражает в своем переводе яркие эпитеты и емкие детали, присущие тексту Горация и придающие оде яркость и пластичность.

Текст Горация:

Multos castra iuvant et lituo tubae
Permixtus sonitus bellaque matribus

Detestata.

Перевод М.Н. Муравьева:

Иным угоден трубный звук,
Оружий бранных треск и стук
И беспокойные походы;

Подстрочный перевод:

Многим военный лагерь приятен и рожком трубы
Смешанный звук и войны, матерям
Ненавистные.

Эти строки посвящены военным увлечениям людей. Гораций выражает свою мысль через зрительный и звуковой образ (военный лагерь и звук рожка). М.Н. Муравьев передает один из них (*трубный звук*), а castra «военный лагерь» и bella «войны» воплотились у него в *беспокойные походы*, собственные звуковые образы *оружий бранных треск и стук*. Осталась без внимания важная мысль Горация о проклятии войн матерями (matribus detestata «матерям ненавистные»), может быть, потому, что М.Н. Муравьев, проявляя лояльность к власти, патриотизм и являясь сторонником официальной политики России, только что вышедшей из Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., желает смягчить гневную окраску строк Горация, не хочет акцентировать внимание на трагичности войны, ее страшной роли в жизни людей, особенно несчастных матерей, теряющих своих детей. В целом же можно говорить о верной интерпретации семантики текста античного автора при выпущении частных моментов.

Текст Горация:

Manet sub Iove frigido
Venator tenerae coniugis immemor,
Seu visa est catulis cerva fidelibus,
Seu rupit teretes Marsus aper plagas.

Перевод М.Н. Муравьева:

Свою забыл супругу, зря
Стрелок оленя иль вепря,
И с псами терпит непогоды.

Подстрочный перевод:

Остается под Юпитером холодным
Охотник нежную супругу забывающий.
Или показался собакам олень верным
[верным собакам олень]
Или разорвал круглые Марсийский кабан сети
[круглые сети Марсийский кабан].

В данном отрывке рассказывается об увлеченном занятии охотой. Охотник у Горация настолько предан своему делу, что терпит физиче-

ские лишения, забывает о любимой супруге, и все это ради того, чтобы добыть оленя или кабана. В переводе снова сохраняется семантический план оригинала при вольности лексических и синтаксических средств. Образное выражение Горация *sub Iove frigido* «под Юпитером холодным» М.Н. Муравьев заменяет на простое *непогоды*, правда, усиливая эмоциональную составляющую текста за счет глагола *терпит* (у Горация – нейтральное *manet* «остаётся»). Выпускается в переводе эпитет «нежную» по отношению к супруге, призванный акцентировать внимание на том, что охотник жертвует счастливой семейной жизнью ради своего любимого занятия. Добыча героя (олень и кабан) отражена в тексте М.Н. Муравьева дословно, но точное определение *Marsus* «Марсийский» (богатая дичью область Лациума) отсутствует. Заметно совершенное отсутствие в переводе эпитетов, которыми так богат текст Горация (*frigido* «холодным», *tenerae* «нежную», *fidelibus* «верным», *teretes* «круглые»). Вновь М.Н. Муравьев обращает свой взгляд лишь на действие, для него еще главным остается передача фактического материала первоисточника, в этом здесь он еще верен эстетическим принципам классицизма, выдвигающего на первый план мысль, рационалистическое повествование, оставляя на втором плане изобразительную форму, тогда как для поэтики Горация характерна гармония между яркой, красочной формой и глубоким содержанием. В рассматриваемых строчках Горация активно используется оригинальное и любимое им синтаксическое построение (частые инверсии), что также не нашло воплощения в переводе.

Текст Горация:

Me doctarum hederæ præmia frontium
Dis miscent superis. Me gelidum nemus
Nympharumque leves cum Satyris chori
Secernunt populo, si neque tibiās

Euterpe cohibet nec Polyhymnia
Lesbom refugit tendere barbiton.
Quodsi me lyricis vatibus inseres,
Sublimi feriam sidera vertice.

Перевод М.Н. Муравьева:

А я взнесусь на небеса,
Коль лавры верх мой увенчают;
Меня прохладные леса
С простым народом разлучают.
Уже я к лику нимф спешу,
Евтерпин глас себе внушу,
Орган настроит Полимния;
Коль лирным звоном прославюсь,

Я звезд, воспрянув, докоснусь
Челом средь радости такие.

Подстрочный перевод:

Меня ученых венки награды лбов [ученых лбов венки награды]
С Богами смешивают высшими. Меня холодная роща
И нимф легкие с сатирами хоры
Уводят от народа, если флейту
Евтерпа не задерживает и Полигимния
Лесбосскую не отказывается настроить лиру.
Поэтому если меня к лирическим пророкам причислишь,
Высоко поднятой я коснусь звезд головой.

В последних строках оды заключен основной пафос оды Горация: идея преданности поэтическому делу. Для античного автора очень важно признание его заслуг другими поэтами, именно этот факт позволяет ему подняться выше многих людей, приравнять себя к Богам, стать равным звездам. Эта мысль, близкая самому М.Н. Муравьеву, передана им семантически и эмоционально точно, лексические же средства для этого используются иные. Так, фраза Горация о признании его поэтических заслуг учеными *Me doctarum hederæ præmia frontium // Dis miscent superis* «Меня ученых венки награды лбов // С Богами смешивают высшими» вольно переводится как *А я взнесусь на небеса, // Коль лавры верх мой увенчают*. Заметна замена *hederæ præmia* «венки награды» на *лавры*, *dis miscent superis* «с Богами смешивают высшими» – на *я взнесусь на небеса*, что семантически эквивалентно, но лексически не точно, а образ *doctarum ...frontium* «ученых ...лбов» (имеются в виду вдохновенные умы, т.е. поэты) у М.Н. Муравьева вообще отсутствует. Но в целом торжественность момента нашла свое отражение за счет использования старославянизмов *взнесусь, небеса, коль*. Далее Гораций говорит от том, что поэтический талант делает его отличным от народа, эта мысль присутствует в тексте М.Н. Муравьева, но в авторской трактовке. *Gelidum nemus* «холодная роща» переводится как *прохладные леса*, *secernunt populo* «уводят от народа» – как *с простым народом разлучают*, хоры нимф и сатиров у Горация (*Nympharumque leves cum Satyris chori*), традиционно символизирующие поэтическое восприятие природы, у М.Н. Муравьева превращаются в *лики нимф*; изменен также и субъектно-объектный план первоисточника: античный автор говорит, что поэзия отделяет его от народа, делает выше других (*secernunt populo*), в переводе же делается акцент на действиях самого героя (*я ...спешу*). Последняя строфа оды Горация начинается с упоминания имен муз, которые вдохновляют поэта, говорящего их устами (Евтерпа – муза лирики и Полигимния – муза священных гимнов). Процесс творчества начинается *si neque tibiis // Euterpe cohibet nec Polyhymnia // Lesboum refugit tendere barbiton* «если флейту // Евтерпа не задерживает и Полигимния // Лесбос-

скую не отказывается настроить лиру». М.Н. Муравьев в переводе сохраняет эту связь между поэтическим вдохновением и мифологическими образами муз, но отражает только семантику и эмоциональную торжественность строк. Полимния (принятое в латинском языке имя наряду с Полигимнией) у него *орган настроит*, а Евтерпа дарит свой голос (*Евтерпин глас себе внушу*). Образ, призванный у Горация напомнить об Алкее и Сапфо, уроженцах Лесбоса, которым он во многом подражал (*Lesboum ...barbiton* «Лесбосскую ...лиру»), в тексте М.Н. Муравьева отсутствует, что сужает античный колорит перевода оды Горация. Последние строчки произведения Горация и перевода М.Н. Муравьева по смыслу эквивалентны: в них говорится о способности в случае поэтического признания подняться к звездам, воспарить над землей. Но высокая избранность, боговдохновенность истинного творца у античного автора выражена более величественно, т.к. в этом случае он причисляет себя к *lyricis vatibus* «к лирическим пророкам»; у М.Н. Муравьева отражается данная мысль проще – *коль лирным звоном прослывусь*. Торжественно передается переводчиком последняя строчка оды *sublime feriam sidera vertice* «высоко поднятой я коснусь звезд головой» – *Я звезд, воспрянув, докоснусь // Челом средь радости такая*. Концентрация старославянизмов *воспрянув, челом, средь, такая* акцентирует внимание на значимости момента, возносит факт признания поэтического таланта до торжественной высоты.

Таким образом, перевод М.Н. Муравьева демонстрирует вольное, свободное обращение с синтаксисом и в большой степени с лексикой оригинала, но очень бережное, внимательное отношение к семантическому и эмоциональному плану оды Горация.

Синтаксический отход от первоисточника объясняется сложностью построения текста самого античного автора, невозможностью перевести некоторые обороты на русский язык, своеобразием размера асклепиадовой строфы, которой была написана первая ода книги первой. Для этого размера характерно чередование восходящего ритма в каждом первом полустишии с нисходящим ритмом после цезуры во втором полустишии. Каждая строка оды строго симметрична, т.к. ударные и безударные слоги расположены в зеркальном отражении по обе стороны от цезуры. М.Н. Муравьев переводит асклепиадову строфу четырехстопным ямбом со смешанной рифмой: 1–4-я строки каждой строфы рифмуются перекрестно (авав), 5–6-я – смежно (аа), 7–10-я – охватно (авва).

Композиция оды Горация и перевода М.Н. Муравьева тождественна, логика повествования в стихотворении М.Н. Муравьева совпадает с развитием мысли античного поэта. При этом заметно явное отличие объемов двух произведений. В оде Горация 9 строф по 4 строки, всего 36 стихов. В переводе – 5 строф по 10 строк (50 стихов). Такая разница объясняется стремлением М.Н. Муравьева достигнуть как можно более точной передачи смыслового плана оды римского автора, что ему и удалось, правда, за счет внесения многосложных описатель-

ных конструкций, увеличив объем перевода по сравнению с первоисточником.

Некая лексическая свобода перевода М.Н. Муравьева проявляется в акцентировании большего внимания на действии, повествовании, в замене эпитетов, конкретных, зрительных образов Горация на собственные, часто не уступающие по яркости и самобытности оригиналу, в игнорировании отдельных деталей, многослойных, пышных определений, придающих тексту Горация самобытность и пластичность. Красота формы и содержания и глубина чувства – вот одни из главных составляющих эстетических принципов Горация, изложенных им позже в «Послании к Пизонам». Перевод же отличает строгая, сдержанная форма, рационалистический ход повествования, что отвечает еще традициям классицизма в русской литературе.

Но несомненный талант молодого М.Н. Муравьева, уже тогда ориентирующегося на сентиментализм, виден в передаче смысла и настроения произведения римского поэта. Мастерски отражены различные нюансы чувств, вложенных Горацием в оду: от иронии до агрессии, от осуждения до величавости.

Безусловно, сам выбор темы для перевода и его удачные стороны доказывают близость жизненных и творческих установок античного автора и склонного к сентиментализму юного М.Н. Муравьева. Эту связь демонстрирует и тот факт, что именно в 1775 г. самим М.Н. Муравьевым был написан ряд стихотворений, посвященных теме поэтического таланта, творчества и его самооценности, места литературы в жизни человека: «Ода вторая (к А.М. Брянчанинову)», «Ода четвертая», «Ода десятая. Весна (К Василию Ивановичу Майкову)», «Опыт о стихотворстве», «Пускай завистники ругают», «Стихи на первое апреля», «Сонет (к Василию Ивановичу Майкову)», «Сонет к Музам». Стихотворение же «Избрание стихотворца» (первая половина 1770-х гг. (?)) по содержанию и композиции явно восходит к первой оде «К Мecenату» Горация. Начинается оно с заявления автора о том, что природа наделяет людей различными талантами, затем эти человеческие склонности перечисляются: одного привлекает военное дело, другого – сельская жизнь и работа на поле. Заканчивается произведение утверждением М.Н. Муравьева своего места в окружающем мире:

Я, блеском обольщен прославившихся россов,
На лире пробуждать хвалебный глас учусь
И за кормой твоей, отважный Ломоносов,
Как малая ладья, в свирепый понт несусь [12. С. 143].

Таким образом, горацианская концепция поэта и поэзии, положившая начало традиции в европейской литературе, получила развитие в русской поэзии, в частности в переводах и оригинальных произведениях М.Н. Муравьева. Опыт М.Н. Муравьева оказался плодотворным для самого поэта и для всей русской литературы XIX в.

Литература

1. *Тронский И.М.* История античной литературы. Л., 1951.
2. *Борухович В.Г.* Квинт Гораций Флакк. Саратов, 1993.
3. *Гаспаров М.Л.* Гораций, или Золото середины // Гаспаров М.Л. Об античной поэзии. СПб., 2000.
4. *Чистякова Н.А., Вулих Н.В.* История античной литературы. М., 1971.
5. *Античная литература* / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1986.
6. *М. фон Альбрехт.* История римской литературы. М., 2004.
7. *Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.* Библиографический указатель. СПб., 1998.
8. *Кулакова Л.И.* М.Н. Муравьев // Ученые записки ЛГУ. Сер. филологических наук. Л., 1939. Вып. 4.
9. *Кулакова Л.И.* Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968.
10. *Дуров В.С.* Римская поэзия эпохи Августа. СПб., 1997.
11. *Квинт Гораций Флакк.* Избранные произведения (оды, эподы, сатиры). М., 1947.
12. *Муравьев М.Н.* Стихотворения, Л., 1967.

GORASTY'S ODE «TO MESTENAT» (I, 1) TRANSLATED BY M.N. MURAVEV (1775) Prokopenko L.B.

Summary. M.N. Muravev's translation of ode «To Metsenat» (I, 1) by Goratsy is analysed. The primary source and translation are compared in lexico-semantic, syntactic and emotional plans. The advantages of translation expressed in its affinity on semantics and mood to product of the antique poet are specified. M.N. Muravev's contribution to development Goratsy's concepts of the poet and poetry in the Russian literature is masked. M.N. Muravev's experience appeared to be fruitful for the poet and for all Russian literature of XIX centuries.

Key words: translation, rome poetry, Gorasty, subject of a poet and poetry, russian literature of the eighteenth century, translation, M.N. Muravev.